

Политическая лингвистика. 2026. № 1 (115).
Political Linguistics. 2026. No 1 (115).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+811.161.1'373+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш141.12-31+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Пэн Сыци

Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай, 0224101516@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0000-4896-9003>

Репрезентация концепта «партнерство» в дипломатическом дискурсе МИДа России (2004–2025): лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ

АННОТАЦИЯ. Анализ дипломатического дискурса стал одним из актуальных исследовательских направлений в связи с развитием корпусных лингвистических методов. Актуальность данной статьи обусловливается тем, что работы, посвященные концепту дипломатического дискурса «партнерство», преимущественно опираются на качественные методы. Настоящее исследование посвящено анализу того, как концепт «партнерство» репрезентируется в дипломатическом дискурсе МИДа России в 2004–2025 гг. На основе корпуса официальных выступлений министра иностранных дел проводится лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ прилагательных-модификаторов, сопровождающих лексему «партнерство». Эпитеты классифицируются по трем модусам — структурно-институциональному, ценностно-оценочному и функционально-тематическому; определяется их частотность, контекстуальные функции и диахроническая динамика. Результаты показывают, что ядро описания партнерства формируют структурно-институциональные характеристики («стратегический», «всеобъемлющий», «диалоговый»), отражающие процесс стратегизации и институционализации внешнеполитического дискурса. Ценностно-оценочные определения («равноправный», «подлинный», «взаимовыгодный») отражают вариативность риторических акцентов и используются для маркирования дипломатической тональности в различные периоды. Функционально-тематические эпитеты («экономический», «частный», «антитеррористический») маркируют конкретные сферы сотрудничества и обладают выраженной повесточной обусловленностью. Диахронический анализ выявляет устойчивое смещение смысловых приоритетов от евроцентричной модели начала 2000-х гг. к евразийской и глобальной конфигурации партнерств в 2010–2020-х гг., что проявляется в выборе эпитетов и трансформации риторической структуры дипломатического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, партнерство, дипломатический дискурс, российская дипломатия, министры иностранных дел, российские дипломаты, политические тексты, корпусная лингвистика, русский язык, лексикология русского языка, лексическая семантика, лексические единицы, лексемы, концептосфера, концепты, языковая репрезентация, лексико-семантический анализ, риторико-дискурсивный анализ, эпитеты, диахроническая динамика, внешняя политика, международные отношения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Пэн Сыци, аспирант, Институт русского языка, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китай.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пэн, Сыци. Репрезентация концепта «партнерство» в дипломатическом дискурсе МИДа России (2004–2025): лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ / Пэн Сыци. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 138–152.

Peng Siqi

Shanghai International Studies University, Shanghai, China, 0224101516@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0009-0000-4896-9003>

Representation of the Concept of “partnerstvo” in the Diplomatic Discourse of the Russian Foreign Ministry (2004—2025): A Lexico-Semantic and Rhetorical-Discursive Analysis

ABSTRACT. The analysis of diplomatic discourse has become one of the relevant research areas in connection with the development of corpus linguistic methods. The relevance of this article can be attributed to the fact that the works devoted to the concept of diplomatic discourse “partnerstvo” (partnership) are mainly based on qualitative methods. This study is devoted to the analysis of how the concept of “partnerstvo” is represented in the diplomatic discourse of the Russian Ministry of Foreign Affairs in 2004–2025. Based on the corpus of official speeches by the Minister of Foreign Affairs, the article carries out a lexico-semantic and rhetorical-discursive analysis of the modifying adjectives accompanying the lexeme “partnerstvo”. The epithets are classified into three modes: structural-institutional, evaluative, and functional-thematic; their frequency, contextual functions, and diachronic dynamics are identified. The results show that the core of the partnership description is formed by the structural-institutional characteristics “strategicheskij” (strategic), “vseob'emlyushchij” (comprehensive), and “dialogovyy” (dialogic), reflecting the process of strategization and institutionalization of foreign policy discourse. The evaluative epithets “ravnopravnyy” (equal), “podlinnyy” (genuine), “vzaimovыgodnyy” (mutually beneficial) reflect the variability of rhetorical accents and are used to mark diplomatic tonality in different periods. The functional-thematic epithets “ekonomicheskij” (economic), “chastnyy” (private), “antiterroristicheskij” (anti-terrorist) mark

specific areas of cooperation and have a pronounced agenda conditionality. The diachronic analysis reveals a steady shift of semantic priorities from the Eurocentric model of the early 2000s to the Eurasian and global configuration of partnerships in the 2010s and 2020s, which is manifested in the choice of epithets and the transformation of the rhetorical structure of diplomatic discourse.

KEYWORDS: political discourse, partnership, diplomatic discourse, Russian diplomacy, Ministers of Foreign Affairs, Russian diplomats, political texts, corpus linguistics, Russian language, Russian lexicology, lexical semantics, lexical units, lexemes, conceptsphere, concepts, linguistic representation, lexico-semantic analysis, rhetoric-discursive analysis, epithets, diachronic dynamics, foreign policy, international relations.

AUTHOR'S INFORMATION: Peng Siqi, Post-Graduate Student, Institute of Russian Language, Shanghai International Studies University, Shanghai, China.

FOR CITATION: Peng Siqi. (2026). Representation of the Concept of “partnerstvo” in the Diplomatic Discourse of the Russian Foreign Ministry (2004—2025): A Lexico-Semantic and Rhetorical-Discursive Analysis. In *Political Linguistics*. No 1 (115), pp. 138-152. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В современном дипломатическом дискурсе концепт «партнерство» занимает ключевое место и служит одним из базовых средств вербализации внешнеполитических приоритетов государства. Как отмечают исследователи, «партнерство» представляет собой самое базовое, распространенное и операционно удобное состояние межгосударственных отношений; без него невозможно строить дальнейшие двусторонние отношения [Ван Шимин, Ши Чжисюань 2025]. На протяжении последних двух десятилетий эта лексема функционирует не только как элемент официальной риторики, но и как инструмент концептуализации международных отношений.

С развитием корпусных методов анализ дипломатического дискурса стал одним из актуальных направлений в международной политической лингвистике. В китайской исследовательской традиции внимание сосредоточено прежде всего на конструировании национальной идентичности [Лю Пин, Дун Гэгэ 2024] и внешнеполитического имиджа¹, на переводе и распространении дипломатического дискурса [Ху Кайбао, Ли Чань 2018; Ху Кайбао, Тянь Сюйцзюнь 2018], на диахроническом сдвиге внешнеполитических акцентов [Тянь Сюйцзюнь, Ли Сяоцян 2020; Чжао Хуэйцзюнь, Цю Нэншэн 2023], а также на стратегиях речевых актов в дипломатическом дискурсе [Чэнь Яньпин, Чэнь Цзюань 2024; Хань Дань 2021]. Корпусные исследования дипломатических концептов, как правило, сосредоточены на определенных понятиях в официальных дискурсах или медиадискурсах. Так, Фань Синсин и Чэнь Ци [Фань Синсин, Чэнь Ци 2024] анализируют дискурсивные стратегии германских СМИ в освещении РСЕР (Всестороннего региональ-

ного экономического партнерства); Чжан Цайюнь² исследует выступления министра иностранных дел России о российско-китайском партнерстве за пятилетний период; Ли Дэфэн, У Кан и Ян Цяоянь [Ли Дэфэн, У Кан 2024; Ян Цяоянь 2023] рассматривают тексты о «Поясе и пути» соответственно в филиппинском официальном дискурсе и в китайско-американских медиа.

Исследования, непосредственно посвященные концепту «партнерство», до сих пор преимущественно опираются на качественные методы. Например, Сяо Си и Ма Чэн и Чжао Цзюнь и Лю Говэй [Сяо Си, Ма Чэн 2019; Чжао Цзюнь, Лю Говэй 2022] анализируют содержание, типологию и ценностную логику «партнерства» в китайской дипломатии; Гу Вэй [Гу Вэй 2015] рассматривает концептуальные основания и практические механизмы так называемой «сетевой» модели китайско-российской партнерской дипломатии. Однако количественные корпусные исследования «партнерства» как самостоятельного дипломатического концепта пока остаются явно недостаточно разработанными, что и определяет актуальность настоящей работы.

Настоящее исследование предлагает лексико-семантический и риторико-дискурсивный анализ того, как в дипломатическом дискурсе МИД России (2004–2025 гг.) описывается и интерпретируется концепт «партнерство». В центре внимания находятся прилагательные-модификаторы, сопровождающие «партнерство», их частотное распределение, семантическая типология и функции в дипломатическом описании взаимодействия. Рассматриваются всего три группы прилагательных-модификаторов — структурно-институциональные, ценностно-оценочные и функционально-тематические. Анализ их соотношения, а также временной

¹ См.: 田绪军. 基于语料库的中国外交形象演变研究(1949–2018). 博士学位论文, 上海交通大学, 2020. URL: <https://doi.org/10.27307/d.cnki.gsytu.2020.000607> (дата обращения: 09.11.2025).

² См.: 张彩云. 俄罗斯外交部长拉夫罗夫讲话中的俄中伙伴关系研究——基于语料库的批评话语分析. 硕士学位论文, 大连外国语大学, 2022. URL: <https://doi.org/10.26993/d.cnki.gslc.2022.000220> (дата обращения: 09.11.2025).

динамики высокочастотных эпитетов внутри каждой группы позволяет выявить основные семантические и риторические способы концептуализации партнерства и проследить изменение его смысловых акцентов и риторической нагрузки в разные периоды. В конечном итоге это дает возможность установить, какие характеристики партнерства выходят на первый план на различных этапах внешнеполитического развития и как трансформация международной повестки влияет на выбор языковых средств.

1. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Источники и отбор корпуса

Эмпирическую базу исследования составили официальные тексты выступлений и заявлений министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова, опубликованные в разделе «Выступления Министра» на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации за период 2004–2025 г.¹ Дипломатический дискурс — это текст, организованный вокруг опорного концепта или дискурсивного топика [Демьянков 2002]. В данном случае таким топиком выступает лексема «партнерство». Были отобраны все тексты, содержащие эту лексему в любых морфологических формах (партнерство, партнерства, партнерству и др.). Все материалы были систематизированы по годам и сгруппированы в 22 подкорпуса (2004–2025), что в совокупности составило 2037 документов (около 3,45 млн токенов, см. табл. 1).

1.2. Извлечение и анализ прилагательных-модификаторов

Все тексты были приведены к единому формату «.txt» в среде Python с использованием библиотек *pandas*, *re*, *razdel*, *stanza* и др. Процедура включала следующие этапы:

- Сегментация предложений и отбор только тех, которые содержат целевую лексему «партнерство» или ее морфологические варианты. Это позволило сократить объем данных и сфокусироваться на релевантных контекстах².

- Токенизация, лемматизация и частеречная разметка (POS-tagging), выполненные на основе модели *Stanza* (Stanford NLP) для русского языка.

- Синтаксический анализ зависимостей (dependency parsing), обеспечивший возможность выделения грамматических связей, в первую очередь отношения типа *amod*, необходимых для идентификации прилагательных-модификаторов целевой лексемы.

В результате был получен аннотированный подкорпус, включающий примерно 105 тыс. токенов релевантных контекстов, структурированных по годам, что обеспечило возможность точного статистического и лексико-семантического анализа.

1.3. Обработка прилагательных-модификаторов

На основе зависимостного анализа были извлечены все отношения типа *ADJ* → *NOUN* (*amod*), в которых прилагательные модифицируют лексему «партнерство». Для каждого года была рассчитана их частотность. Далее прилагательные были распределены по трем семантическим модусам³:

Табл. 1. Токены по годам: статистика по количеству слов в собранном корпусе

Год	Количество токенов	Год	Количество токенов	Год	Количество токенов
2004	79789	2012	157633	2020	176500
2005	130705	2013	153730	2021	203308
2006	106525	2014	205010	2022	172360
2007	126038	2015	167750	2023	167189
2008	129865	2016	165775	2024	189930
2009	137775	2017	161284	2025	191760
2010	133411	2018	165333		
2011	132565	2019	195324		

¹ На официальном сайте МИД России самый ранний доступный корпус выступлений министра относится к 2004 г.; более ранние материалы не опубликованы. Сбор данных для настоящего исследования завершён 24 октября 2025 г. Адрес сайта — https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/, дата обращения: 24.10.2025.

² Детальный анализ контекста осуществлялся с обращением к полным текстам документов, а данная процедура предварительного сокращения данных была направлена исключительно на снижение вычислительной нагрузки при последующей токенизации и синтаксической обработке.

³ Географические прилагательные (напр. «российско-китайское», «евразийское») не включены в анализ, поскольку они обозначают участников взаимодействия, а не характеристики самого концепта партнерства.

– структурно-институциональный модус — характеризует форму и уровень организации партнерства (*стратегический, всеобъемлющий, диалоговый* и др.);

– ценностно-оценочный модус — отражает субъективное восприятие, риторическую тональность и идеологическую окраску взаимодействия (*подлинный, взаимовыгодный, доверительный, прочный* и др.);

– функционально-тематический модус — обозначает сферу или область сотрудничества (*экономический, гуманитарный, анти-террористический* и др.).

Классификация была выполнена вручную с опорой на лексикографические данные и контекстуальные признаки. Для семантической верификации использовался Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова¹; окончательное распределение по категориям определялось с учетом конкретного употребления в корпусе. После категоризации данные были агрегированы для построения долевых распределений и динамических графиков.

2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЛИК КОНЦЕПТА «ПАРТНЕРСТВО»

Настоящий раздел посвящен выявлению семантических характеристик и дискурсивных способов репрезентации партнерства через вышеуказанные прилагательные. Для

этого анализ строится по трем выделенным модусам, каждый из которых рассматривается в динамике — как по частотным показателям, так и по контекстуальному употреблению, что позволяет проследить эволюцию дипломатического представления о партнерстве в официальных речах МИД России.

2.1. Общая динамика и структура эпитетов

Статистический анализ употреблений лексемы «партнерство» в речах министра иностранных дел России за период 2004–2025 гг. выявил выраженную неравномерность распределения прилагательных, сопровождающих данный номинатив (см. рис. 1). Наибольшую долю составляют эпитеты структурно-институционального модуса — 1867 употреблений (около 76 %). Ценностно-оценочный модус представлен 343 примерами (14 %), а функционально-тематический модус — 236 (10 %). Такое соотношение показывает, что в дипломатическом дискурсе при характеристике партнерства преимущественно актуализируются его структурные и формальные параметры, тогда как оценочно-риторические и предметные аспекты занимают подчиненное положение. Это позволяет рассматривать партнерство прежде всего как институционализированную форму международного взаимодействия.

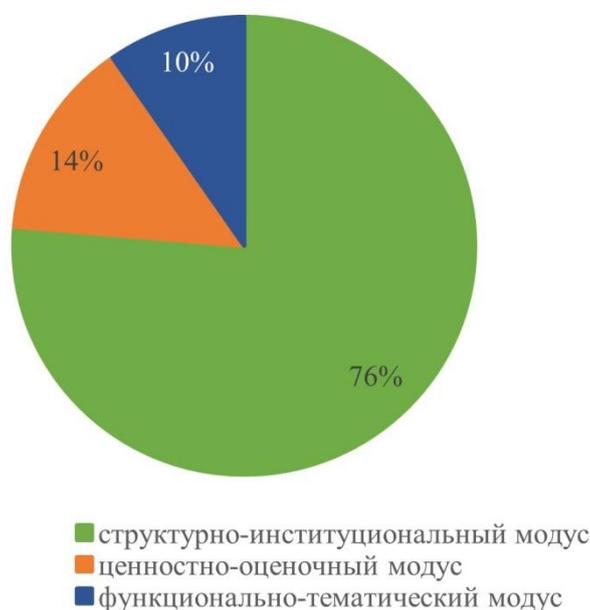

Рис. 1. Общая структура семантических эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004—2025 гг.)

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (дата обращения: 09.11.2025).

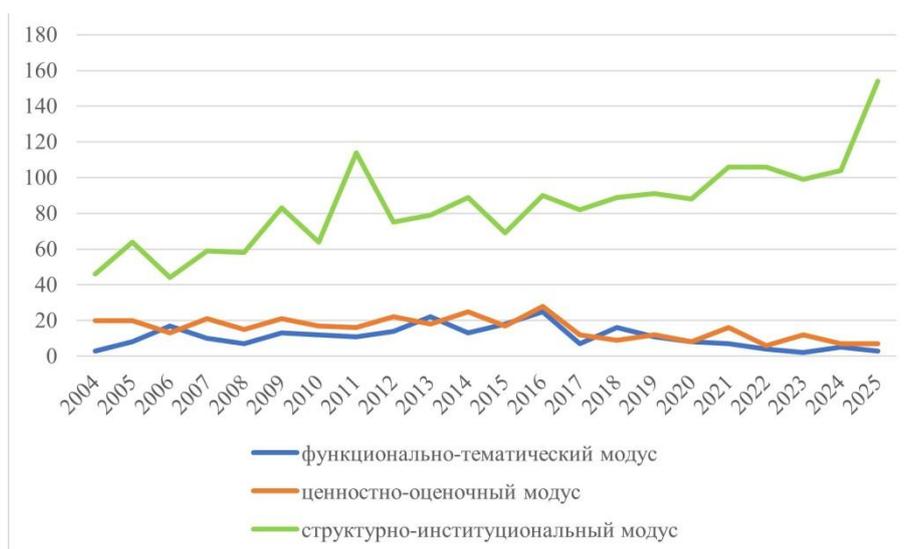

Рис. 2. Динамика эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

В диахронической перспективе (см. рис. 2) структурно-институциональный модус сохраняет устойчивое доминирование и демонстрирует общий рост. С начала 2010-х годов его частотность остается стабильно высокой и достигает максимума в 2025 г. (154 употр.), что почти втрое превышает показатель 2004 г. Подобная динамика отражает процесс институционализации и стратегизации концепта партнерства в официальной риторике. Напротив, ценностно-оценочный и функционально-тематический модусы демонстрируют умеренную волатильность и отсутствие долговременного восходящего тренда. Их относительные пики приходятся на 2010–2016 гг., после чего фиксируется устойчивое снижение. Такой переход, по-видимому, коррелирует с трансформацией внешнеполитического дискурса России после 2014 года. Как отмечают исследователи, именно в этот период усиливается ориентация российской внешней политики на институционализированные многосторонние форматы и долгосрочные евразийские инициативы [Неймарк 2023; Новиков 2018]. Таким образом, перераспределение частотности между тремя модусами отражает смещение дискурсивного центра тяжести в сторону форматов, подчеркивающих стратегическую направленность и институциональную рамочность партнерства.

На этом фоне становится особенно важным рассмотреть внутреннюю структуру каждого из модусов, их ведущие эпитеты и характерные контекстуальные функции, что и составляет предмет анализа последующих подразделов.

2.2. Структурно-институциональный модус: распределение и динамика

В структурно-институциональном модусе фиксируется ярко выраженная частотная концентрация (см. рис. 3): при широком спектре употребленных эпитетов высокочастотное ядро формируют лишь несколько лексем. Абсолютным доминантом выступает «стратегический» (1211 употр.; 65 %), значительно опережающий такие определения, как «всеобъемлющий» (7 %), «диалоговый» (6 %) и «привилегированный» (4 %). Это указывает на то, что партнерство в речах министра иностранных дел преимущественно конструируется как стратегически ориентированная и институционально закрепленная форма взаимодействия. «Всеобъемлющий», «диалоговый», «многоплановый» — менее частотные, но семантически значимые эпитеты — акцентируют многоуровневость и сбалансированность сотрудничества, подчеркивая открытость коммуникационных каналов, что соответствует общей тенденции к описанию партнерства как системы многостороннего взаимодействия.

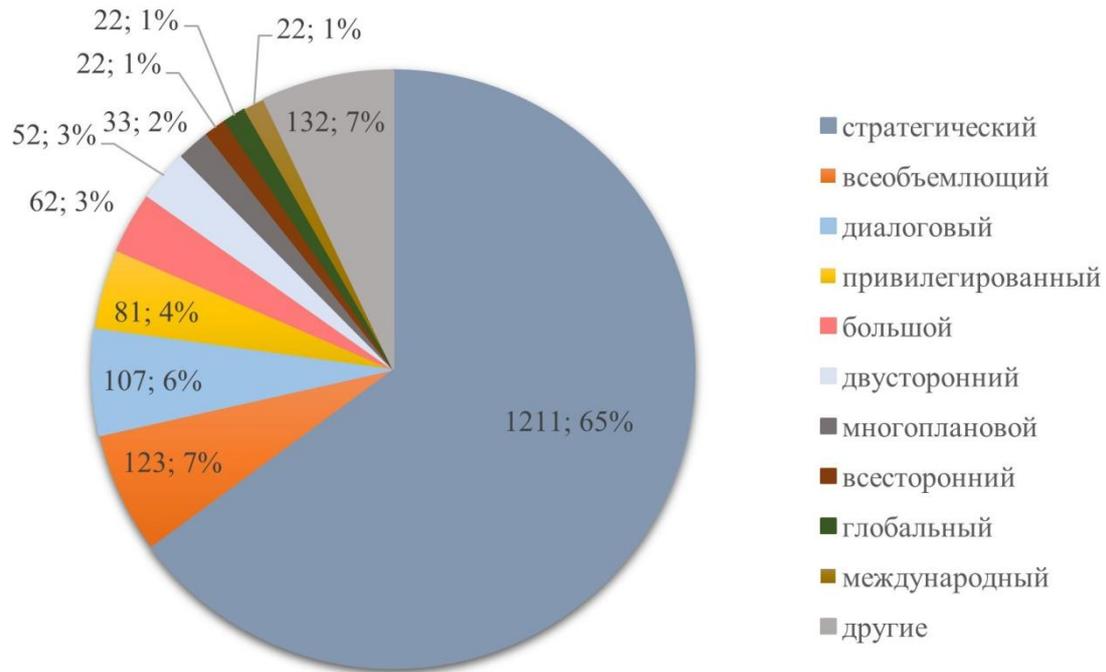

Рис. 3. Структурно-институциональный модус: частотность ключевых эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)¹

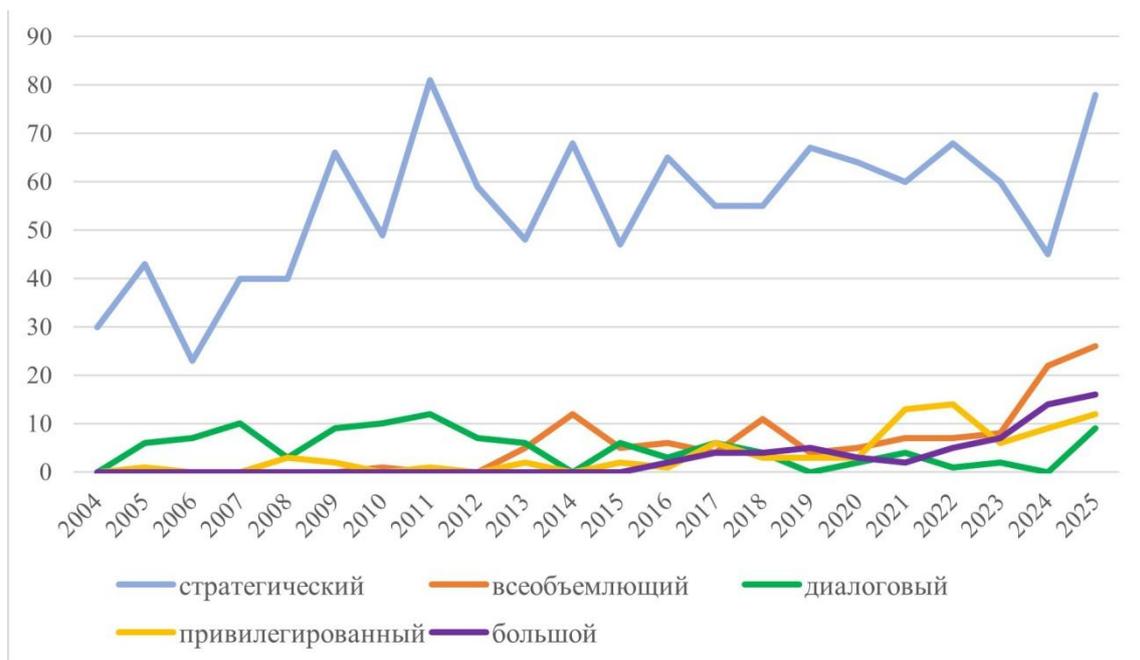

Рис. 4. Динамика частотности ведущих структурных эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

¹ Диаграмма демонстрирует долю наиболее частотных прилагательных, остальные объединены в категорию «другие».

На диахроническом уровне эпитет «стратегический» демонстрирует отчетливую динамику смещения внешнеполитических акцентов (см. рис. 4). В 2000-е годы он преимущественно соотносится со взаимодействием России и Европейского союза, где выражения типа «Никакие осложнения при этом не могут заставить нас свернуть с пути подлинного стратегического партнерства» (2004, 28 апреля) и «Россия сама развивает теснейшее стратегическое партнерство с ЕС» (2010, 27 октября) обозначают попытку России институционализировать сотрудничество с западными странами. Поэтому «стратегичность» в этот период выполняет прежде всего функцию характеристики формализованных механизмов диалога с Западом. В начале 2010-х годов наблюдается расширение спектра адресатов: наряду с ЕС эпитет все чаще применяется в контексте отношений с Китаем и Индией, что проявляется в формулировках «Визит зафиксировал новое качество российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия» (2012, 6 июня) и «Мы удвоены поступательным развитием многопланового российско-индийского привилегированного стратегического партнерства» (2011, 17 ноября). После 2014 года, на фоне ограничения сотрудничества с Западом, «стратегический» почти полностью переориентируется на страны Глобального Юга — прежде всего Китай, Индию, а также государства Азии, Африки и Латинской Америки. При упоминании партнерских отношений с Европейским союзом контекст, как правило, носит критико-обвинительный характер, подчеркивая пассивную позицию ЕС в вопросе восстановления двусторонних отношений, например: «Пока ЕС как организация не готов восстанавливать все механизмы нашего стратегического партнерства, а у нас были саммиты дважды в год» (2019, 21 апреля). Понятие «стратегическое партнерство» было введено в дипломатический лексикон Советского Союза в конце 1980-х гг. для обозначения формирующейся после окончания холодной войны атмосферы доброжелательности в отношениях между Москвой и Вашингтоном [Priyandita 2019]. Данное понятие рассматривается как инструмент корректировки глубокого дисбаланса международных отношений, а также как дипломатический механизм реагирования на общие вызовы и использования возможностей для сотрудничества; по своей природе оно представляет собой форму активного и конструктивного внешнеполитического поведения [Ван Шимин, Ши Чжисюань 2025]. Wilkins, один из наиболее авторитет-

ных исследователей данной концепции, подчеркивает, что подлинное «стратегическое партнерство» формируется из двух взаимодополняющих уровней: верхнего (superstructure) — в виде сотрудничества в сфере безопасности и базового (substructure) — в виде экономического и идеолого-политического взаимодействия [Wilkins 2018]. Рост частотности употребления термина «стратегическое партнерство» в российском внешнеполитическом дискурсе отражает стремление России к формированию предсказуемой международной среды мира и развития, а также к продвижению взаимовыгодного сотрудничества и экономического роста.

Эпитет «всеобъемлющий», занимающий второе место по частотности, преимущественно функционирует в составе устойчивых сочетаний типа «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие» или «всеобъемлющее стратегическое партнерство». Анализ материалов показывает, что в середине 2000-х годов данное определение впервые активно используется в отношении сотрудничества России с АСЕАН, в том числе в официальных документах формата «Совместная декларация о развитии и всеобъемлющем партнерстве», где акцент делается на институциональной проработке взаимодействия — от проектов и программ до механизмов реализации. Эта тенденция получила дальнейшее подтверждение в последующем развитии двусторонних отношений: «В 2018 г. оно (партнерство) вышло на стратегический уровень... сегодня наши отношения фактически находятся на уровне всеобъемлющего стратегического партнерства» (2022, 4 августа). Начиная с конца 2010-х годов выражение «всеобъемлющее партнерство» все более прочно закрепляется за российско-китайскими отношениями. В многочисленных двусторонних переговорах и итоговых заявлениях отношения России и Китая характеризуются как «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие», что трактуется как «ключевой приоритет российской внешней политики» (2018, 23 апреля). Параллельно в этот период появляются договорные формулировки в отношении ряда других государств. Например, Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве с КНДР «осуществляется на практике на благо народов стран, стабильности в Северо-Восточной Азии и на евразийском континенте в целом» (2024, 1 ноября). Согласно существующим научным подходам, выражение «всеобъемлющее стратегическое партнерство» рассматривается как более высокий уровень по

сравнению с традиционным «стратегическим партнерством». Оно предполагает расширение сфер взаимодействия, повышение качества и институциональной глубины сотрудничества, а также придание ему долгосрочного и планового характера. Чем шире и глубже сотрудничество, тем выше степень переплетения интересов и интенсивность соперничества, а следовательно, тем значительнее возникающие трудности и вызовы [Ван Шимин, Ши Чжисюань 2025]. Активное формирование Россией новых направлений всеобъемлющего стратегического партнерства свидетельствует о стремлении исходить из рациональных позиций и долгосрочного видения при оценке возможных проблем и вызовов, а также о готовности конструктивно и ответственно управлять разногласиями и регулировать возникающие противоречия.

Употребление эпитета «привилегированный» концентрируется на обозначении «приоритетных партнеров» России в сфере внешних связей. В диахронической перспективе данное определение в ранний период встречается в контексте российско-французских отношений, где подчеркнута, что стороны «настроены на дальнейшее углубление взаимодействия по всем главным вопросам глобальной и региональной безопасности» (2008, 12 марта). Однако с 2010-х годов центр его применения заметно смещается в сторону российско-индийского трека, в рамках которого эпитет получает институционально закрепленный характер: в официальной риторике неоднократно подчеркивается, что отношения между Россией и Индией прошли последовательные этапы — от стратегического партнерства к привилегированному стратегическому партнерству, и далее к особо привилегированному стратегическому партнерству (2025, 28 сентября). Постоянное повышение статуса партнерства свидетельствует о всестороннем, многоуровневом и институционализированном характере российско-индийского партнерства. Одновременно после 2020 года наблюдается расширение круга применения выражения «привилегированное партнерство» на другие геополитические направления. В отношениях с Анголой оно используется для обозначения приоритетного сотрудничества, опирающегося на общую антиколониальную историческую память и долговременную политическую поддержку (2021, 13 октября); в диалоге со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива оно отражает стремления придать взаимодействию с государствами региона более высокий статус (2025, 11

сентября); в российско-казахстанских отношениях оно используется в сочетании с понятиями «союзничество» и «интеграционное взаимодействие», акцентируя особую плотность связей в евразийском пространстве (2025, 22 октября). Диахроническое расширение эпитета фиксирует стремление России в условиях формирующегося многополярного мира осуществлять дифференциацию ключевых партнеров.

Эпитеты «диалоговый» и «большой» функционируют преимущественно в составе устойчивых словосочетаний, что придает их употреблению узкую и институционально закрепленную направленность. Эпитет «диалоговый» практически полностью ограничен сочетанием «диалоговое партнерство Россия — АСЕАН». Контексты его употребления в выступлениях министра иностранных дел демонстрируют, что с момента официального установления данного формата в 1996 г. отношения между Россией и АСЕАН прошли поступательную эволюцию: от политического диалога — к институциональному оформлению, а затем — к стратегизации и многоаспектной координации. Прилагательное «большой» употребляется почти исключительно в составе выражения «Большое Евразийское партнерство». В речах С. В. Лаврова прослеживается, что с момента выдвижения концепции в 2016 г. «Большое Евразийское партнерство» прошло этап расширения рамочного пространства: «...развивающиеся через установление тесных связей между различными интеграционными объединениями... это и ЕАЭС, СНГ, АСЕАН, ШОС и ряд других интеграционных структур» (2025, 29 июня). На основе акцентов на «гармонизации различных интеграционных проектов на континенте» (2023, 27 ноября) инициатива рассматривается как «социально-экономический фундамент усилий по созданию в Евразии архитектуры равной и неделимой безопасности» (2025, 29 июня). В этой позиции «большой» выступает элементом фиксированного названия и служит указанием на межрегиональный характер инициативы, а не описательным определением собственно партнерства.

В структурно-институциональном модусе «партнерство» последовательно конструируется как формализованная и стратегически ориентированная модель взаимодействия, в которой доминирует эпитет «стратегический». Его динамика отражает смещение внешнеполитических акцентов: от попыток институционализировать диалог с ЕС в 2000-е годы — к укреплению связей с Китаем, Индией и другими государствами Глобального Юга после 2014 года. Реже упо-

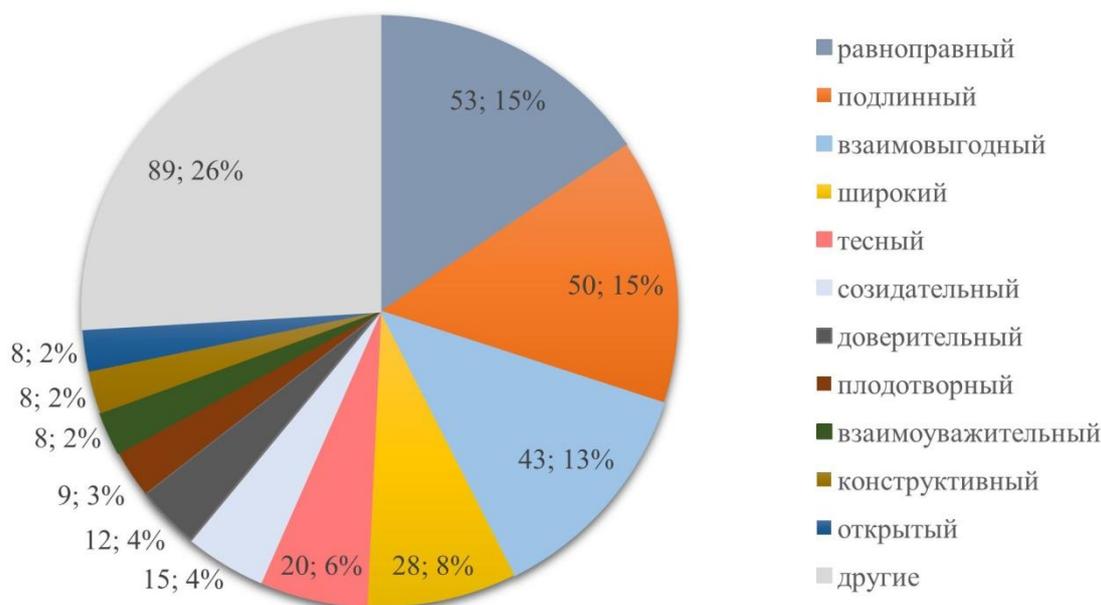

Рис. 5. Ценностно-оценочный модус: частотность ключевых эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004—2025 гг.)

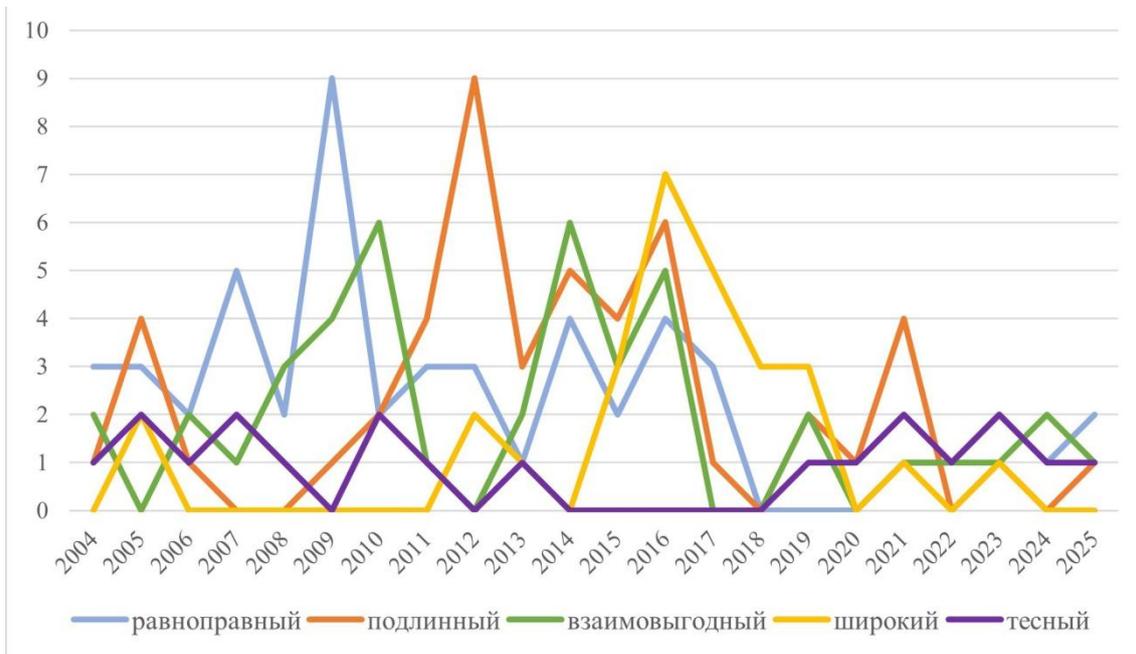
требляемые определения — «всеобъемлющий», «диалоговый» и «привилегированный» — фиксируются в четких институциональных форматах (АСЕАН, российско-китайские отношения, российско-индийское взаимодействие) и обозначают расширение сферы сотрудничества и усложнение механизмов координации.

2.3. Ценностно-оценочный модус: распределение и динамика

В рамках ценностно-оценочного модуса зафиксировано значительно большее лексическое разнообразие по сравнению со структурным (см. рис. 5), хотя общее количество употреблений заметно меньше. Наибольшую частотность демонстрируют прилагательные «равноправный» (53 употр.; 15 %) и «подлинный» (50 употр.; 15 %), за которыми следуют «взаимовыгодный» (43 употр.; 13 %) и «широкий» (28 употр.; 8 %). Менее частотные, но показательные эпитеты — «тесный», «конструктивный», «взаимоуважительный», «доверительный» — отражают позитивную оценочность, связанную с идеями доверия, сотрудничества и взаимного уважения.

В диахронической перспективе (см. рис. 6) частотность употребления эпитетов «равноправный» и «взаимовыгодный» постепенно возрастала с середины 2000-х годов, достигнув пика в 2008–2016 гг. На ранних этапах прилагательное «равноправный» в качестве одного из базовых принципов российской внешней политики преимущественно использовалось в контекстах взаимодей-

ствия с Европейским союзом, Азией и соседними странами, акцентируя равный статус России в многосторонних форматах и ее самостоятельную субъектность. Одновременно эпитет «взаимовыгодный» отражал прагматическую логику партнерства — стремление к симметрии интересов и балансу выгод, например, с арабскими странами, Грецией, Японией и т. д. Около 2009 г. частотность их совместного употребления заметно возросла, что было непосредственно связано с процессом перезагрузки российско-американских отношений. Министр отметил, что новоизбранный президент США Б. Обама имеет возможность «перенаправить российско-американское сотрудничество на качественно новый трек, воспользоваться возможностями, которые открываются в плане развития взаимовыгодного равноправного партнерства» (2009, 1 апреля), что отражает ожидаательно-позитивный характер риторики, а не опору на уже сложившуюся практику. Кроме того, подчеркивалось, что в сфере антитеррористической и общей безопасности у отношений между Россией и Европейским союзом необходимо «укреплять нормативную базу и разработать соответствующий документ, который обеспечивал бы взаимовыгодное равноправное партнерство» (2009, 12 февраля). В 2014–2016 гг. прилагательные «взаимовыгодный» и «равноправный» демонстрируют отчетливый рост употребления, формируя вторую по значимости частотную вершину. В этот период «взаимовыгодный» преимуществен-

но относится к экономической взаимосвя-

лишь как сотрудничество, но не как партнер-

Рис. 6. Динамика частотности ведущих ценностных эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

занности с европейскими партнерами, такими как Финляндия и Греция, а также с государствами Африки и Латинской Америки. Подчеркивается практическая значимость такого взаимодействия для социально-экономического развития, что ярко отражено в заявлении 2014 г. о Финляндии: «...наши отношения касаются взаимовыгодного партнерства, реализации совместных проектов, которые создают новые рабочие места и повышают благосостояние наших граждан» (2014, 10 июня). Одновременно прилагательное «равноправный» используется в основном для характеристики высокоуровневого политического доверия с ключевыми стратегическими партнерами, акцентируя доверительную основу и стратегическую координацию такого взаимодействия. Особенно показательна оценка российско-китайских отношений, данная в 2015 г.: «...ценности равноправного взаимоуважительного партнерства ...именно на этой философии базируются российско-китайские связи... в их основе — чувства искренней дружбы и симпатии наших народов, глубокое взаимное уважение и доверие, учет ключевых интересов друг друга, заинтересованность в процветании наших стран» (2015, 24 августа).

Эпитет «подлинный» выполняет функцию морально-оценочного усилителя и маркера политического доверия. Как отмечают исследователи, отношения при отсутствии базового доверия могут рассматриваться

ство [Ван Шимин, Ши Чжисюань 2025]. В 2000-х годах это определение преимущественно употреблялось в контексте российско-европейских и российско-японских отношений, где обозначало конструктивное и искреннее стремление к сотрудничеству. После 2012 г. сочетание «подлинное партнерство» все чаще употребляется вместе с прилагательным «стратегическое», что указывает на семантический переход от акцента на искренность к указанию на глубину взаимосвязей. Так, подчеркивалось, что «выход на уровень подлинного стратегического партнерства между Россией и Евросоюзом отвечал бы как императивам инновационного развития нашей страны, так и остро стоящим перед Евросоюзом задачам преодоления кризисного этапа» (2012, 10 октября). После 2014 г. в контекстах взаимодействия России с Китаем, Индией, а также странами Латинской Америки и Африки сочетание «подлинное партнерство» становится ключевым элементом внешнеполитического дискурса, обозначающим равноправное, неимперативное сотрудничество между незападными государствами, например: «...в духе подлинного стратегического партнерства развиваются отношения с Венесуэлой, Кубой, Никарагуа и Боливией» (2023, 3 февраля).

Прилагательное «широкий» проявляет последовательный сдвиг от декларативной открытости к обозначению конкретных ин-

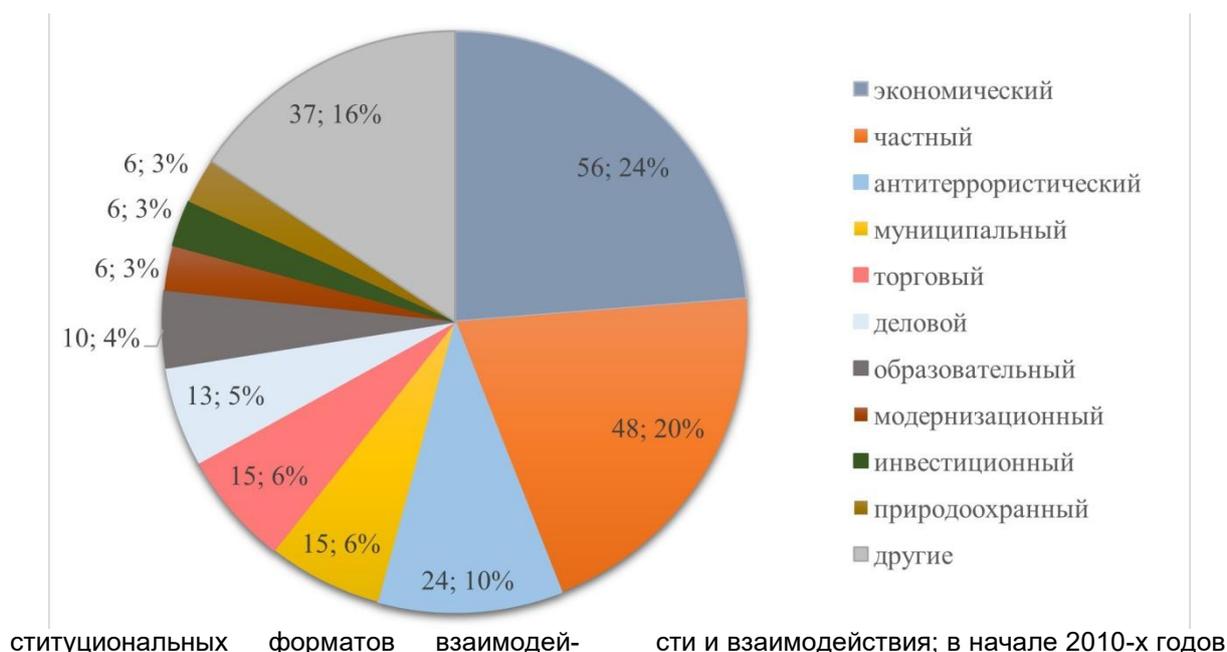

Рис. 7. Функционально-тематический модус: частотность ключевых эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

ствия. В середине 2000-х годов выражения типа «самое широкое партнерство» фиксируются в контекстах развития отношений с Польшей и европейскими государствами; в 2012 г. «широкое партнерство» характеризуется как фактор стабильности на Каспии и в Закавказье; с 2015–2016 гг. эпитет устойчиво связывается с евразийской интеграционной повесткой — «широкое экономическое партнерство», взаимодействие по линии ЕАЭС — ШОС — АСЕАН «с более демократичных позиций: никакие ограничения на подключение к этому процессу сейчас не выдвигаются» (2016, 31 мая). В этих контекстах он маркирует трансрегиональный характер инициатив и принцип их открытости. В отношениях с Западом «широкий» получает нормативный оттенок: отмечается, что стремление России к «широкому партнерству» не было поддержано, что формирует оппозицию между инклюзивными моделями сотрудничества и закрытой блоковой логикой: «...к сожалению, наше искреннее стремление наладить широкое партнерство (а мы действительно искренне стремились к этому), наше желание сделать его подлинно стратегическим не получило должной поддержки со стороны государств Запад» (2016, 8 ноября).

Употребление эпитета «тесный» демонстрирует относительную стабильность. В ранних годах он преимущественно используется для характеристики российско-европейских отношений, подчеркивая максимально возможную степень согласованно-

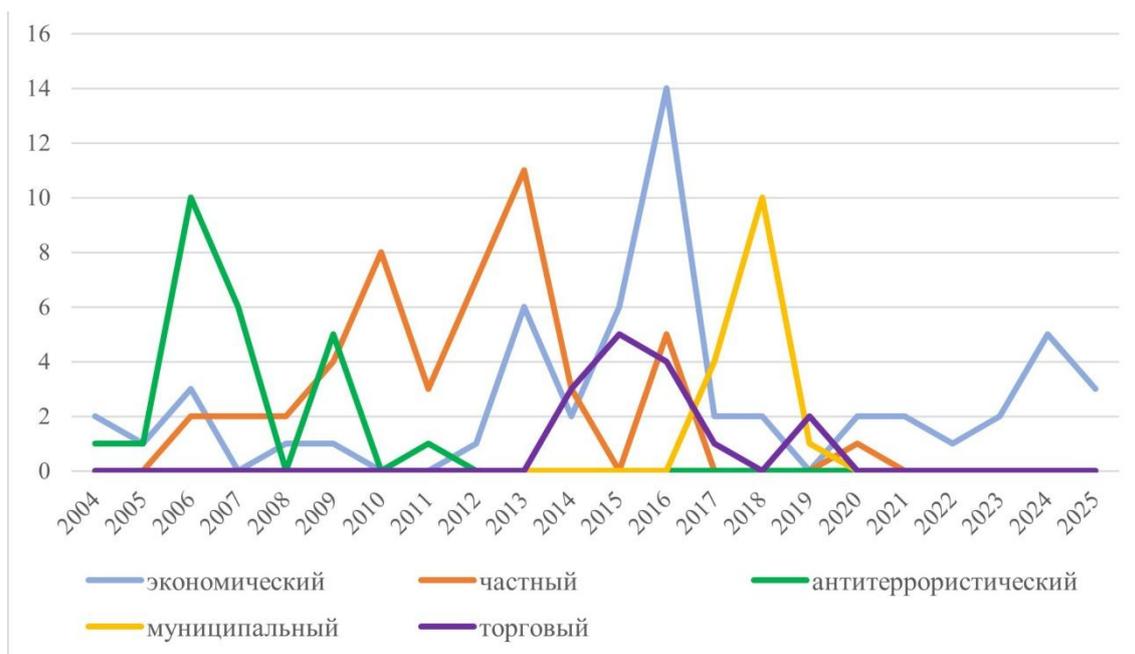
данный эпитет все чаще появляется в описании контактов России с США, где акцентируется высокий потенциал сотрудничества и отсутствие конфронтационной логики: в 2013 г. С. В. Лавров определяет диалог с американскими коллегами как «самое тесное партнерство» (2013, 10 августа). Начиная с 2019 г., выражение «тесного партнерства» заметно смещается в евразийскую плоскость: сотрудничество России и Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» описывается как «самое тесное партнерство», аналогичные формулы применяются к ЕАЭС и ряду государств СНГ (2019, 21 февраля).

В целом динамика ценностных эпитетов показывает, что «партнерство» используется как средство политической переориентации: оно объединяет идеи равноправия, взаимной выгоды и доверительного сотрудничества и тем самым фиксирует переход российской дипломатии от западноцентричных моделей к широким, многоаспектным форматам взаимодействия с государствами Глобального Юга и Востока.

2.4. Функционально-тематический модус: распределение и динамика

В корпусе данного исследования прилагательные функционально-тематического модуса представлены сравнительно ограниченно (около 10 % от общего числа), однако их семантическое распределение полно отражает внешние границы и политическую направленность концепта «партнерство» во внешнеполитическом дискурсе России.

По сводной диаграмме (см. рис. 7) вид-

но, что основную долю составляют «эконо-

Москве. В выступлениях Лаврова за 2006–

Рис. 8. Динамика частотности ведущих функционально-тематических эпитетов при слове «партнерство» в речах главы МИДа России (2004–2025 гг.)

мический» и «частный», на которые приходится соответственно 24 % и 20 % всех модификаторов данного типа; далее следуют «антитеррористический» (10 %), «муниципальный» и «торговый» (примерно по 6 % каждый); остальные — «образовательный», «деловой», «природоохранный» и др. — встречаются значительно реже. Такое соотношение показывает, что прилагательные функционально-тематической группы концентрируются преимущественно в трех сферах: экономического взаимодействия, безопасности и социального сотрудничества.

Динамика по годам (см. рис. 8) демонстрирует выраженные фазовые всплески, которые тесно коррелируют с конкретными дипломатическими повестками. В 2000-е годы наиболее показательным атрибутом данной группы эпитетов стало слово «антитеррористический», чья частотность достигла пика в 2006–2007 гг. и практически исчезла из выступлений после 2010 г. Высокая интенсивность употребления в 2006–2007 гг. была напрямую связана с председательством России в «Группе восьми» и выдвижением инициативы государственно-частного антитеррористического партнерства. Эта инициатива, представленная на саммите G8 в Санкт-Петербурге и впоследствии институционализированная в форме Международной стратегии партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму, получила широкую поддержку и была окончательно утверждена на Глобальном форуме в

2007 г. последовательно акцентируется роль России как инициатора и координатора международных мер против терроризма: «...выдвинутая Россией в прошлом году в рамках председательства в „Группе восьми“ и поддержанная другими странами „восьмерки“ международная инициатива укрепления государственного и частного антитеррористического партнерства развивается, набирает обороты и привлекает новых сторонников» (2007, 22 ноября).

В 2010–2013 гг. прилагательное «частный» демонстрирует выраженный пик употребления в контекстах «партнерства», практически полностью ограничиваясь устойчивой конструкцией «государственно-частное партнерство (ГЧП)». Корпусные данные показывают, что выступления министра иностранных дел в этот период сосредоточены преимущественно на вопросах сотрудничества в Балтийском регионе, конкретно это пилотные проекты в Санкт-Петербурге, Калининграде, Литве, Швеции в сферах инноваций, охраны окружающей среды (вопрос утечки кислоты и переработки твердых отходов) и развития инфраструктуры (геологоразведки, бурения на воде и т. д.). Среди таких примеров «Санкт-Петербургская инициатива» рассматривается как первый успешный образец международного государственно-частного партнерства, направленного на улучшение экологического состояния Балтики. Лавров подчеркивает, что выдвинутая российской стороной

инициатива нацелена на «создание региональной сети, объединяющей деловое и научное сообщества, развитие приграничного сотрудничества и общественного мониторинга выполнения решений по защите экологии Балтики» (2013, 6 июня).

В 2015–2016-е годы прилагательное «экономический» закрепляется как один из ключевых функциональных маркеров концепта партнерства. Рост его частотности тесно связан с запуском и продвижением инициативы Евразийского экономического партнерства, озвученной Президентом В. В. Путиным на саммите «Россия — АСЕАН» в Сочи. В выступлениях С. В. Лаврова многократно подчеркнута, что эта инициатива характеризуется как проект, объединяющий ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, «охватывающий почти треть мировой экономики и опирающийся на принципы равноправия и взаимного учета интересов» (2016, 14 апреля). Контексты употребления слова «экономический» подчеркивают стремление Москвы формировать трансрегиональное пространство «открытой» кооперации, противопоставляемое Транстихоокеанскому партнерству, которое Лавров характеризует как «закрытый блок», ограниченный для внешних участников (2016, 2 сентября).

В 2017–2019 г. прилагательное «муниципальный» практически полностью связано с проектом «перекрестного» Года регионально-муниципальных партнерств Россия — Германия, который, как форма гражданской дипломатии, был официально объявлен на фоне ухудшения политического диалога между Москвой и Берлином после 2014 г. В речах С. В. Лаврова этот формат позволяет поддерживать взаимосвязи снизу вверх вне зависимости от политических разногласий: «...общественной дипломатии, сотрудничеству по линии регионов принадлежит особая роль в деле укрепления фундамента межгосударственных связей, поддержания доверия и взаимопонимания между народами». Таким образом лексема «муниципальный» подчеркивает переход партнерства из сферы межправительственного взаимодействия в плоскость горизонтальных связей между регионами и городами.

Прилагательное «торговый» в 2014–2019 г. употреблялось преимущественно в критическом дискурсе, фиксируясь в выражениях «Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство» и «Транстихоокеанское партнерство», выдвинутых Соединенными Штатами. В выступлениях министра эти форматы неоднократно характеризовались как «закрытые интеграционные блоки», «закрытые региональные торгово-интеграционные структуры» и «закрытые площадки», что

отражает озабоченность их негативными последствиями: «...инициаторы могут вольно или невольно вести дело к тому, чтобы универсальные принципы ВТО обесценивались» (2015, 20 мая). Подчеркивалось также стремление США «экономически оторвать Европу от России и выторговать себе максимально благоприятные условия» (2014, 13 сентября). В последующие годы, упоминая эти инициативы, министр подчеркивал, что они фактически «рассыпались», тогда как Большой Евразийский проект принципиально отличается от них по своей идеологии и логике открытости.

В целом распределение и динамика прилагательных функционально-тематического модуса имеют повосточно-детерминированный, фазовый характер: в разные периоды высокочастотные эпитеты тесно соотносятся с конкретными инициативами и механизмами, что свидетельствует о повторной контекстуализации концепта «партнерство» и его параллельном функционировании в нескольких тематических сферах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование позволило выявить ключевые механизмы репрезентации концепта «партнерство» в дипломатическом дискурсе МИДа России за 2004–2025 г. Анализ эпитетов-модификаторов продемонстрировал многослойный характер описаний партнерства, отражающий институциональные приоритеты внешней политики, ее риторические акценты и тематическую динамику. Как отмечают Ван Шимин и Ши Чжицюань (2025), разнообразные формулы «партнерства» фиксируют различия в сфере взаимодействия, уровне сотрудничества и степени взаимного доверия. Появление множества таких определений указывает на то, что после окончания холодной войны, а особенно в XXI в., международные отношения приобрели все более комплексный характер: государства, исходя из собственных преимуществ и специфики, используют различные дипломатические инструменты для защиты национальных интересов и укрепления своего международного статуса и влияния. В материалах данного исследования это проявляется в том, что описания «партнерства» в выступлениях министра иностранных дел России обладают следующими характерными особенностями: структурно-институциональный модус на протяжении всего периода сохраняет устойчивое доминирование, что подтверждает тенденцию к стратегизации и институционализации концепта в официальной риторике. Эпитет «стратегический» формирует его смысловое

ядро, фиксируя переход от евроцентричной повестки 2000-х годов к углублению взаимодействия с Китаем, Индией и государствами Глобального Юга после 2014 г. Ценностно-оценочный модус демонстрирует собственную внутреннюю эволюцию: эпитеты «равноправный», «взаимовыгодный» и «подлинный» обозначают три ключевых направления — равенство, взаимность и доверие — и отражают смещение от риторики симметричного сотрудничества к формированию альтернативных норм взаимодействия в условиях многополярности. Функционально-тематический модус носит повосточно-детерминированный характер: эпитеты «экономический», «антитеррористический», «муниципальный», «торговый» тесно связаны с конкретными внешнеполитическими инициативами (председательство в G8, регионально-муниципальные проекты с Германией, формирование Большого Евразийского партнерства и др.), что показывает гибкость тематической рамки партнерства и ее способность адаптироваться к актуальным задачам дипломатической практики. В целом диахронический анализ эпитетов выявил постепенное смещение дискурсивного центра тяжести от ценностных и тематических характеристик в 2000 — начале 2010-х годов в сторону структурных — подчеркивающих устойчивость, стратегичность и институциональную оформленность взаимодействия.

Несмотря на широкую временную перспективу и системность проведенного анализа, настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, корпус включает только материалы МИД России и не охватывает президентские выступления или правительственные документы, что частично сужает возможности наблюдения за более широким государственным внешнеполитическим дискурсом. Во-вторых, проанализированная группа модификаторов включает только качественные прилагательные, непосредственно характеризующие «партнерство», тогда как атрибуты, обозначающие конкретные страны, регионы или международные организации, были намеренно исключены, чтобы сфокусировать внимание на семантических свойствах самого концепта. Такой подход обеспечивает чистоту лексико-семантического анализа, но оставляет вне поля зрения важный аспект — географическое распределение партнерства и типологию его адресатов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Прежде всего, возможно проведение диахронического анализа страновых, региональных и институциональных атрибутов партнерства с

целью выявления его геополитической конфигурации и динамики. Кроме того, представляется целесообразным расширить корпус за счет президентских речей, стратегических документов и материалов многосторонних площадок, что позволит реконструировать более полную картину российского внешнеполитического дискурса. Наконец, сравнение лексико-семантических особенностей концепта «партнерство» с другими ключевыми внешнеполитическими понятиями — такими как «сотрудничество», «взаимодействие», «координация» — может способствовать более точному определению места партнерства в общей семантической системе дипломатического языка России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 32–43. — EDN YZAJBR.
2. Неймарк, М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России / М. А. Неймарк. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2023. — 145 с. — ISBN 978-5-392-39573-6.
3. Новиков, Д. П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России / Д. П. Новиков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2018. — № 13 (3). — С. 82–96. — EDN ZMUVNY.
4. 刘苹, 董格格. 中美外交部门新闻发布会的中国形象建构比较研究——基于语料库的批评话语分析 / 新闻与传播评论, 2024, 77(2): 106–118. = Лю Пин. Сравнительное исследование конструирования образа Китая в пресс-брифингах дипломатических ведомств КНР и США: корпусно-ориентированный критический дискурс-анализ / Лю Пин, Дун Гэгэ // Обзор журналистики и коммуникаций. — 2024. — № 77(2). — С. 106–118.
5. 李德凤, 吴侃. 基于语料库的区域国别研究——以“一带一路”中美主流媒体报道主题建模分析为例 / 外语电化教学, 2024, 218(4): 10–17+24. = Ли Дэфэн. Корпусное регионоведение: тематическое моделирование освещения «Пояса и пути» в китайских и американских СМИ / Ли Дэфэн, У Кан // Электронное обучение иностранным языкам. — 2024. — № 218 (4). — С. 10–17+24.
6. 杨巧燕. 菲律宾官方对中国“一带一路”倡议的认知及变化: 基于语料库的话语分析(2013–2022) / 南洋问题研究, 2023, 195(3): 31–48. = Ян Цяоянь. Восприятие Филиппинами инициативы «Пояс и путь» и его изменения: корпусный дискурс-анализ (2013–2022) / Ян Цяоянь // Исследования по проблемам Юго-Восточной Азии. — 2023. — № 195(3). — С. 31–48.
7. 樊星星, 陈琦. 冲突化视域下德媒关于 RCEP 报道的辩题策略研究 / 上海理工大学学报 (社会科学版), 2024, 46(3): 226–232. = Фань Синсин. Стратегии аргументации в освещении RCEP немецкими СМИ в конфликтной рамке / Фань Синсин, Чэнь Ци // Журнал Шанхайского университета технологий (общественные науки). — 2024. — № 46 (3). — С. 226–232.
8. 汪诗明, 石稚瑄. 国际关系中的“伙伴关系”及其衍生概念解析 / 社会科学战线, 2025, 5: 94–104+282. = Ван Шимин. Концепт «партнёрство» и его производные категории в международных отношениях / Ван Шимин, Ши Чжисюань // Фронт социальных наук. — 2025. — № 5. — С. 94–104+282.
9. 田绪军, 李晓倩. 基于语料库的中国外交话语主题词演变研究 / 中国外语, 2020, 17(2): 16–25. = Тянь Сюйцзюнь. Эволюция ключевых слов китайского дипломатического дискурса: корпусное исследование / Тянь Сюйцзюнь, Ли Сюянь // Иностранные языки в Китае. — 2020. — № 17(2). — С. 16–25.
10. 肖晞, 马程. 中国伙伴关系: 内涵、布局与战略管理 /

国际观察, 2019, 2: 72–88. = Сяо Си. Китайская политика партнёрств: содержание, структура и стратегическое управление / Сяо Си, Ма Чэн // Международное обозрение. — 2019. — № 2. — С. 72–88.

11. 胡开宝, 李婵. 中国特色大国外交话语的翻译与传播研究: 内涵、方法与意义 / 中国翻译, 2018, 39(4): 5–12+129. = Ху Кайбао. Перевод и распространение дипломатического дискурса Китая: содержание, методы и значение / Ху Кайбао, Ли Чань // Китайский перевод. — 2018. — № 39 (4). — С. 5–12+129.

12. 胡开宝, 田绪军. 中国外交话语英译中的中国外交形象研究——一项基于语料库的研究 / 中国外语, 2018, 15(6): 79–88. = Ху Кайбао. Образ Китая в английских переводах китайского дипломатического дискурса: корпусное исследование / Ху Кайбао, Тянь Суйцзюнь // Иностранные языки в Китае. — 2018. — № 15 (6). — С. 79–88.

13. 赵会军, 邱能生. 中美外交近五年重心变化的语料库话语分析 / 外语电化教学, 2023, 5: 74–81+112. = Чжао Хуэйцзюнь. Изменение фокуса китайско-американской дипломатии за последние пять лет: корпусный дискурс-анализ / Чжао Хуэйцзюнь, Цю Нэншэн // Электронное обучение иностранным языкам. — 2023. — № 5. — С. 74–81+112.

14. 赵骏, 刘国伟. 国际法视角下的中国伙伴关系战略: 内涵、指向与路径 / 东南学术, 2022, 4: 209–216+248. = Чжао Цзюнь. Стратегия партнёрства Китая в международном праве: содержание, направления и пути реализации / Чжао Цзюнь, Лю Говэй // Юго-Восточная академия. — 2022. — № 4. — С. 209–216+248.

15. 陈艳平, 陈娟. 韩国外交话语中“请求-拒绝”问答互动的立场研究 / 外语导刊, 2024, 47(3): 92–101+160. = Чэнь Яньпин. Категории позиции в вопросно-ответных актах «просьба — отказ» в южнокорейском дипломатическом дискурсе / Чэнь Яньпин, Чэнь Цзюань // Путеводитель по иностранным языкам. — 2024. — № 47 (3). — С. 92–101+160.

16. 韩丹. 构式视阈下外交拒绝言语行为研究 / 外语与外语教学, 2021, 5: 37–46+148. = Хань Дань. Речевые акты отказа в дипломатическом дискурсе в перспективе конструкций / Хань Дань // Иностранные языки и их преподавание. — 2021. — № 5. — С. 37–46+148.

17. 顾炜. 中俄网络伙伴外交的概念内涵和实现路径 / 当代世界与社会主义, 2015, 5: 134–139. = Гу Вэй. Китайско-российская сетевая дипломатия партнёрств: содержание концепта и пути реализации / Гу Вэй // Современный мир и социализм. — 2015. — № 5. — С. 134–139.

18. Priyandita, G. From rivals to partners: Constructing the Sino-Indonesian strategic partnership / G. Priyandita // Global: Jurnal Politik Internasional. — 2019. — No. 21(1). — P. 1–26.

19. Wilkins, T. S. After a decade of strategic partnership: Japan and Australia ‘decentering’ from the US alliance? / T. S. Wilkins // The Pacific Review. — 2018. — No. 31 (4). — P. 498–514.

REFERENCES

1. Dem'yankov, V. Z. (2002). Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii = Political discourse as an object of political philology. *Political Science*, 3, 32–43. EDN YZAJBR.

2. Neymark, M. A. (2023). Evolyutsiya vneshnepoliticheskoy strategii Rossii. 3-e izd., pererab. i dop. = Evolution of Russia's foreign policy strategy (3rd revised and expanded ed.). Moscow: Prospekt, 145 p. ISBN 978-5-392-39573-6.

3. Novikov, D. P. (2018). Bol'shoye evraziyskoye partnerstvo: vozmozhnoye regional'noye vliyaniye i interesy Rossii = Greater Eurasian Partnership: potential regional impact and Russia's interests. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 13(3), 82–96. EDN ZMUVNY.

4. Liu, Ping, Dong, Gege (2024). Zhongmei waijiao bumen xinwen fabuhui de Zhongguo xingxiang jiangou bijiao yanjiu — jiyu yulaoku de piping huayu fenxi = A comparative study of China's image construction in Chinese and US MFA press

briefings: A corpus-based critical discourse analysis. *Journalism & Communication Review*, 77(2), 106–118.

5. Li, Defeng, Wu, Kan (2024). Jiyu yuliao ku de quyu guobie yanjiu — yi “Yidai Yilu” Zhongmei zhuliu meiti baodao zhuti moxing fenxi wei li = Corpus-based regional studies: topic modeling of “Belt and Road” coverage in Chinese and U.S. mainstream media. *Computer-Assisted Foreign Language Education*, 218(4), 10–17+24.

6. Yang, Qiaoyan (2023). Feilubin guanfang dui Zhongguo “Yidai Yilu” changyi de renzhi ji bianhua = The Philippines' perception of China's Belt and Road Initiative and its evolution: A corpus-based discourse analysis (2013–2022). *Studies on Southeast Asian Issues*, 195(3), 31–48.

7. Fan, Xinxin, Chen, Qi (2024). Chongtu hua shiyu xia Demei guanyu RCEP baodao de bianti celüe yanjiu = Argumentative strategies in German media coverage of RCEP within a conflict-framing perspective. *Journal of the University of Shanghai for Science and Technology (Social Science Edition)*, 46(3), 226–232.

8. Wang, Shiming, Shi, Zhixuan (2025). Guoji guanxi zhong de “huobanguanxi” ji qi yansheng gainian jixi = The concept of “partnership” and its derivatives in international relations. *Frontiers of Social Sciences*, 5, 94–104+282.

9. Tian, Xujun, Li, Xiaoqian (2020). Jiyu yuliao ku de Zhongguo waijiao huayu zhuti ci yanbian yanjiu = Evolution of key terms in Chinese diplomatic discourse: A corpus-based analysis. *Foreign Languages in China*, 17(2), 16–25.

10. Xiao, Xi, Ma, Cheng (2019). Zhongguo huobanguanxi: neihan, buju yu zhanlue guanli = China's partnership diplomacy: connotation, layout and strategic management. *International Review*, 2, 72–88.

11. Hu, Kaibao, Li, Chan (2018). Zhongguo tese daguo waijiao huayu de fanyi yu chuanbo yanjiu = Translation and dissemination of China's major-power diplomacy discourse: content, methods and significance. *Chinese Translators Journal*, 39(4), 5–12+129.

12. Hu, Kaibao, Tian, Xujun (2018). Zhongguo waijiao huayu yingyi zhong de Zhongguo waijiao xingxiang yanjiu — yixiang jiyu yuliao ku de yanjiu = China's diplomatic image in English translations of Chinese diplomatic discourse: A corpus-based study. *Foreign Languages in China*, 15(6), 79–88.

13. Zhao, Huijun, Qiu, Nengsheng (2023). Zhongmei waijiao jin wu nian zhongxin bianhua de yuliao ku huayu fenxi = A corpus-based discourse analysis of shifts in PRC—US diplomacy over the past five years. *Computer-Assisted Foreign Language Education*, 5, 74–81+112.

14. Zhao, Jun, Liu, Guowei (2022). Guojifa shijiao xia de Zhongguo huoban zhanlue: neihan, zhixiang yu lujing = China's partnership strategy in international law: content, orientation and paths. *Southeast Academic Research*, 4, 209–216+248.

15. Chen, Yanping, Chen, Juan (2024). Hanguo waijiao huayu zhong “qingqiu—jujue” wenda hudong de lichang yanjiu = Stance construction in request—refusal interactions in South Korean diplomatic discourse. *Guide to Foreign Languages*, 47(3), 92–101+160.

16. Han, Dan (2021). Goushi shiyu xia waijiao jujue yuyan xingwei yanjiu = Refusal speech acts in diplomatic discourse from a construction-grammar perspective. *Foreign Languages and Their Teaching*, 5, 37–46+148.

17. Gu, Wei (2015). Zhong-E wangzhuang huoban waijiao de gainian neihan he shixian lujing = The concept and implementation paths of China—Russia networked partnership diplomacy. *Contemporary World and Socialism*, 5, 134–139.

18. Priyandita, G. (2019). From rivals to partners: Constructing the Sino-Indonesian strategic partnership. *Global: Jurnal Politik Internasional*, 21(1), 1–26.

19. Wilkins, T. S. (2018). After a decade of strategic partnership: Japan and Australia “decentering” from the US alliance? *The Pacific Review*, 31(4), 498–514.